

Бесконечные мучения, казалось, длились целую вечность.

Несколько раз Бай Циюй ловил себя на мысли, что уже слился с хаосом воедино. Сознание, казалось, отделилось от тела, ускоренно распадаясь на пыль, возвращаясь к самой первозданной материи. Но в следующую секунду слишком реалистичные, ясные и жестокие ощущения напоминали ему: нет, ещё не конец.

Боль. Несравненная боль...

Это была не просто физическая боль, если вообще можно было подобрать такое слово. Это было невыразимое страдание. Ему казалось, что он горит. Сгорает жизненная сила, сгорает разум, активность клеток — или как там ещё назвать те составляющие жизни, что сейчас перегруженно бурлили и плавились в нём.

Перегрузка...

Тело, онемевшее от действия наркотических веществ или иных выделений, пребывало в странном оцепенении, а в голове царила пустота. Это была пустота, до краев заполненная потоками информации, превышающими любые пределы человеческого восприятия. Чуждые, сюрреалистичные образы, которые не дано знать смертным, сокрушали слабое сознание муравья. Всё происходило стремительно, но в то же время мучительно медленно — течение времени исказилось до неузнаваемости.

Помимо этого, внутри него бурлила слишком сильная, неестественная возбужденность, вызванная нейротоксинами, которые некоторые существа выделяют, чтобы поддерживать жизненный тонус своей добычи.

Это невозможно... — пронеслось в пустой голове Бай Циюя. — Человек не может... да и не должен...

Нежность... Разве такое чувство может быть у *этого*?

Если бы год, да даже месяц назад кто-то сказал ему: Ты будешь в дикой глуши резвиться с нечеловеческим существом и бесстыдно наслаждаться этим, — он бы решил, что этот человек сошел с ума, и, возможно, даже вцепился бы ему в глотку.

Но что теперь?

Бай Циюй растерянно посмотрел в далекое небо. Там тоже была непроглядная тьма, ничем не отличавшаяся от той, что окружала его со всех сторон.

А потом...

Вжух...

Вжух... вжух... вжух...

ВЖУХ!!!

Землетрясение?

Нет, эпицентр был не в земной коре. Это вся гора, весь район Тяньчжунфэн и само основание земли содрогались в неистовой дрожи. Словно пробуждалось некое древнее спящее существо. После короткого, вызывающего зубную боль скрежета земли последовал глухой звук, напоминающий удары в гигантский барабан.

Оно остановилось.

Миллионы шумных ртов открывались и закрывались, издавая странные звуки. Бай Циюй чувствовал, как оно распространяет своих подданных, чтобы те нашли источник сотрясения.

А затем Бай Циюй услышал едва различимый голос.

Женщина, или, возможно, мужчина с тонким голосом, произнес:

— Иди сюда.

Голос был пугающе нежным, словно он звучал прямо в глубинах его коры головного мозга — такой далекий и такой близкий одновременно. Мягкий, как талая весенняя вода, он был настолько прекрасен, что на глаза невольно наворачивались слезы.

— ...Куда?

— Иди сюда... к своим предкам... к крови рода Бай.

— Как мне попасть туда?

Получив отклик Бай Циюя, голос зашуршал и начал отдаляться...

Удаляться в пространство ослепительной, чистой белизны...

В сюрреалистических белых видениях Бай Циюй не мог открыть глаз от нестерпимого сияния. А затем, словно с древней картины, спрятанной в сыром подвале, стряхнули вековую пыль, и цвета заполнили белый мираж, прогоняя тьму...

Над головой — потолок с ажурным окном, под рукой — резные деревянные наличники, яркий, проникающий повсюду свет и едва уловимый, таинственный аромат благовоний...

Это видение было слишком реальным, слишком прекрасным, оно было в пугающем контрасте с той реальностью, в которой он оказался. Он было подумал, что окончательно сошел с ума, но не мог отвести глаз, с невиданной доселе истовостью молясь, чтобы это оказалось правдой.

Тот бесполой голос терпеливо и подробно направлял его:

— Возвращайся... потомок рода Бай, наследник Янь-Хуан... твои предки и родители ждут тебя.

Голос становился всё отчетливее, картина обретала краски и блики, живо и ярко заполняя море сознания Бай Циюя. Он увидел темно-красный гобелен шириной в три чи, на котором золотыми чернилами и пылью драгоценных камней были начертаны бесчисленные имена божеств...

Даже не понимая ни одного из этих имен, он чувствовал, как душу пронизывает святость, потрясающая до глубины сердца...

Бай Циюй, кажется, уже видел подобное убранство где-то раньше...

— Скажи мне, куда ты хочешь попасть?

— Я... — ответ сорвался с губ сам собой, — Бабушка Ло... я хочу быть рядом с бабушкой Ло!

Вжух...

Бай Циюй вернулся в океан света.

Когда он снова открыл глаза, его бил озноб.

Он лежал в воде, словно утопленник, чья красота даже в смерти оставалась пугающей. Влажные черные волосы мягко скользили по бледной коже, оставляя холодный отблеск.

Перед ним была комната, похожая на боковой придел большого храма.

Открытое окно в форме круга, вписанного в квадрат, теплые коричневые гобелены в религиозном стиле и тонкая струйка белого дыма, поднимающаяся вверх.

Всё вокруг твердило ему: успокойся, ты в безопасности.

Бай Циюй до ужаса боялся, что это снова сон. Он крепко зажмурился, а когда открыл глаза — ничего не изменилось.

Он лежал обнаженным в латунном тазу.

Точнее, это был не таз, а некое ритуальное блюдо или жертвенный стол. Более двух метров в длину и ширину, с выгравированными по краям делениями и священными письменами.

В воде плавали колосья пшеницы, шалфей и чайные стебли, а под ним был насыпан слой риса и бобов толщиной в палец.

В полуметре лежали мягкое полотенце и халат.

Немного оправившись от шока, Бай Циюй выбрался из медного блюда, вытерся и накинул халат.

Он крайне неловко помедлил, решая, стоит ли проверять «то самое место», но в итоге всё же поднес туда полотенце.

А... там ничего не было.

На всём теле... не было ни единого повреждения, ни следов, ни отметин. Будто всё произошедшее было лишь сном.

С одной стороны, это казалось странным, с другой — он втайне ликовал.

Не каждому мужчине выпадает пережить подобное смятение, и он поспешил запереть это постыдное воспоминание в самых дальних уголках памяти, надеясь никогда больше к нему не возвращаться.

Едва почувствовав, что он очнулся, кто-то постучал в плотно закрытую дверь.

— Господин Бай, вы проснулись?

Этот голос...

Бай Циюй почти побежал к двери.

— Господин Гуаньхэ?

Увидев на пороге Цинь Гуаньхэ в коричнево-зеленой мантии, Бай Циюй заплакал от радости. Забыв о приличиях, он бросился к нему в объятия.

— Это правда вы! — всхлипнул он. — Я думал, что умру...

Цинь Гуаньхэ замер, его руки на мгновение зависли в воздухе, не зная, что делать, но спустя долгое время он всё же сдержанно обнял его в ответ.

— Не бойся, ты в безопасности.

Объятия длились долго. Бай Циюй беспомощно уткнулся в плечо Цинь Гуаньхэ, всхлипывая и не в силах остановиться. Он плакал тихо, но с таким отчаянием, что даже у самого черствого человека дрогнуло бы сердце.

Цинь Гуаньхэ не был исключением. Вспомнив, в каком состоянии привезли Бай Циюя, он не удержался от вздоха и принялся мягко похлопывать его по спине, утешая.

Спустя долгое время Бай Циюй осознал свою неловкость и отступил на два шага.

— Простите, я... я не сдержался.

— Ничего, — кивнул Цинь Гуаньхэ. — Естественная реакция человека, пережившего подобное.

Бай Циюй собрался с духом и тревожно спросил:

— А как же Сяо Юньэр?

Выпалив это, он вспомнил, что Цинь Гуаньхэ не знает, кто это, и поспешил пояснить:

— Ну, тот маленький ежик, что был со мной...

Цинь Гуаньхэ понимающе кивнул:

— Не волнуйся, этого маленького бессмертного уже забрали на лечение.

— Как она? Угроза жизни есть?

— Нет, опасности для жизни нет.

Бай Циюй наконец выдохнул.

Увидев, что состояние Бай Циюя улучшилось, Цинь Гуаньхэ взмахнул рукавом:

— Идем, бабушка ждет тебя.

По пути в главный зал Цинь Гуаньхэ вкратце рассказал, как Бай Циюй был спасен.

Дело с путепроводом в городе Цзоучэн, которым занималась бабушка Ло, завершилось раньше срока, и дальнейшие работы взяли на себя местное управление градостроительства и служба безопасности.

Изначально они планировали возвращаться в понедельник вечером, но из-за внезапного семейного дела бабушка Ло в воскресенье ночью срочно выехала в город Цзиндэ.

А шоссе В61, проходящее мимо фамильного кладбища семьи Фан, было как раз по пути из Цзоучэна в Цзиндэ. Проезжая мимо, бабушка Ло внезапно вошла в состояние одержимости — старый бессмертный потребовал спасти человека.

— Твоя связь с миром бессмертных очень сильна, — заметил Цинь Гуаньхэ. — Это первый случай с тех пор, как бабушка Ло стала Чумасянь, чтобы дух сам просил спасти кого-то.

— Я не помешал её семейным делам?

— Нет, — ответил Цинь Гуаньхэ. — Просто небольшое недоразумение.

— Правда?

— Да. Внук бабушки сказал, что пропал друг, и маленькая госпожа Ли гадала для него. Оказалось, с человеком всё в порядке, он даже из города Цзиндэ не выезжал.

Ли?

Эта фамилия встречается нечасто. Сердце Бай Циюя ёкнуло: не может же быть такого совпадения?

Заметив, что он застыл, Цинь Гуаньхэ продолжил успокаивать его:

— Маленькая госпожа сразу увидела, что это обычная ссора влюбленных, ничего серьезного.

— ...Ну и хорошо.

В конце коридора находилась необычно высокая дверь, сливающаяся с потолком. Она больше походила на вход в зал для торжественных собраний, невольно навеяв мысли о чем-то мистическом.

Двадцатилетний парень почтительно стоял у медных дверей:

— Господин Гуаньхэ.

Теперь, когда он был здесь, продолжать называть себя атеистом было бы просто страусиной политикой. Вспомнив слова невестки Хань перед встречей с Цинь Гуаньхэ, Бай Циюй тихо спросил:

— Есть ли что-то, о чем мне стоит знать перед встречей с бабушкой?

Парень улыбнулся и покачал головой:

— Бабушка очень добрая, не нужно так волноваться. Входите, время не ждет.

— Спасибо. Простите, как вас зовут?

— Какой я господин, — застенчиво ответил парень. — Меня зовут Пэй Шичжун. Я еще не поставил свой алтарь, пока учусь у бабушки. Зовите меня просто Сяо Пэй.

Одежда Пэй Шичжуна была такой же, как у невестки Хань. Бай Циюй думал, что они просто обслуживающий персонал, но оказалось — ученики. Похоже, возраст не был единственным критерием для становления Дима.

Пэй Шичжун трижды постучал в дверь:

— Бабушка, гость Бай прибыл.

Как и в тот день с Цинь Гуаньхэ, ответа из-за двери не последовало. Пэй Шичжун почтительно открыл её и отступил.

За дверью оказался зал, еще более величественный и просторный, чем тот, что он видел ранее.

Высокий алтарь почти упирался в потолок. Десятки статуй божеств с величественными лицами тянулись слева направо, их сострадательные взгляды, казалось, охватывали каждый уголок помещения.

Слои разноцветных стеклянных ламп, словно река веры, заливали зал золотым светом, делая его ярким, как днем.

В самом низу алтаря, на подушке для медитации, сидела пожилая женщина с волосами цвета инея. Глаза её были закрыты. Странно, но перед ней не было никаких инструментов или ритуальных предметов, как у Цинь Гуаньхэ — лишь маленькая медная подставка, на которой

безмятежно курились золотистые благовония.

Но самым поразительным был не алтарь, а этот список имен.

С самой высокой точки потолка свисал красный водопад, настолько загадочный и величественный, что захватывало дух. Тонкие золотые кисточки, словно руки богини Гуаньинь, плотно окутывали алтарь.

По краям гобелена были вышиты непонятные круговые письмена — может, монгольские или маньчжурские? — золотыми чернилами и пылью драгоценных камней были написаны имена божеств.

Бай Циюй не понимал ни одного слова, но стоило взглянуть на них, как душу охватило чувство такой чистоты и святости, что, казалось, оно способно смыть любую скверну...

Три тысячи бессмертных, все одалживают мне силу — это было именно то, что он видел в своем видении.

В густом аромате благовоний Бай Циюй невольно хотел опуститься на колени и просить бабушку Ло о спасении, но следующая секунда заставила его застыть.

Бабушка Ло резко открыла глаза и уставилась прямо за спину Бай Циюя.

Затем раздался громкий хлопок — Цинь Гуаньхэ, стоявший рядом, совершил глубокий земной поклон!

В наше время люди кланяются богам или родителям, но редко кому-то еще. Однако поклон Цинь Гуаньхэ был безупречен и полон почтения: руки плотно прижаты к полу, спина согнута до предела.

Более того, не дожидаясь слов бабушки, Цинь Гуаньхэ начал бить поклоны — раз за разом.

Это было исступленное, полное страха поклонение. Каждый раз он выпрямлялся и с силой ударялся лбом о пол.

Пол был из лучшего мрамора, и звук ударов кости о камень был глухим и тяжелым. Пять, десять, пятнадцать... Бай Циюй молча считал. Цинь Гуаньхэ остановился лишь после сорок девятого удара!

Пол был залит кровью.

Даже если это были дела семьи, Бай Циюй счел это перебором. Он не выдержал:

— Уважаемая бабушка, господин Гуаньхэ он...

— Молчать, несмышлениш! — раздался её мрачный, хриплый голос. — Желторотый мальчишка, ты хоть понимаешь, в чем твоя вина?!

Она не кричала, но в её голосе чувствовалось такое давление, словно диктатор, пробудившийся

в темных джунглях, отчитывал потомков — властно и безапелляционно.

По содержанию Бай Циюй понял: дух вселился в бабушку.

Закончив кланяться, Цинь Гуаньхэ дрожащим телом выпрямился, стоя на коленях:

— Мастер Цзинцзун, раб виноват, раб больше не посмеет... Этот никчемный раб просто хотел немного похвастаться... я не хотел никому вредить, просто подумал... раз вас нет, я помогу разгрузить дела...

— Замолчи! — бабушка Ло ударила по столу, благовония закачались. — Слишком много оправданий! Тебя не было всего три дня, а ты натворил таких бед! Опозорить мой алтарь — полбеда, но ты мог погубить человека! Если бы не случайная встреча с гостем, из-за твоего хвастовства случилась бы непоправимая трагедия!

Она была в ярости, глаза налились кровью, на морщинистом лице вздулись вены. Она лишь слегка указала пальцем, и Цинь Гуаньхэ отлетел в сторону!

Крепкий мужчина весом не менее семидесяти килограммов пролетел по воздуху, как галька, и с грохотом врезался в стену.

Бай Циюй онемел, а когда посмотрел снова, увидел, что по лицу Цинь Гуаньхэ текут слезы.

Рана на лбу кровоточила, смешиваясь со слезами, он выглядел жалко. Но даже так он пополз обратно, снова упал на пол и продолжил бить поклоны.

— Раб больше не посмеет, не посмеет! Хуан Шицзю клянется, если еще раз устрою такое, пусть меня поразит молния, умру самой страшной смертью и никогда не стану бессмертным!

— ...Хм, старик Ху шестой уже подал жалобу. Ты называл себя «Высшим бессмертным», «Великим господином», претендовал на титул Нефритового императора — это просто абсурд и беззаконие! Если так пойдет дальше, мой алтарь не сможет тебя защитить, через три дня тебя поразит небесная кара!

— Раб больше не будет, правда... Полубог, Мастер Цзинцзун, накажите меня, но ради этого парня по фамилии Цинь, пощадите его!

Рука бабушки Ло, готовая нанести новый удар, замерла.

Она... нет, Мастер Цзинцзун был так разгневан, что забыл, что наказывает Дима, Цинь Гуаньхэ.

Он взмахнул широким рукавом, еще раз нахмурился, отчитал его и позволил встать.

— ...Базовые навыки слабые, продолжай совершенствоваться! С такими способностями позориться на людях — только людям вредить! Мы, Чумасянь, существуем, чтобы спасать людей и копить заслуги... В этот раз бабушка Ло случайно вернулась раньше, и гостю было суждено выжить... Иначе, как бы ты расплачивался за невинно погубленную душу?

— Мастер Цзинцзун прав, Мастер заботится о рабе, девятнадцатый осознал ошибку.

— Ладно, — бабушка Ло устало махнула рукой. — Убирайся, иди лечи Дима Циня! Сам натворил бед, а других подставил... Эх!

Хуан Шицзю, бормоча слова благодарности, почтительно попятился к выходу.

Тяжелые двери медленно закрылись, оставив в комнате лишь ошеломленного Бай Циюя и бабушку Ло с неопределенным выражением лица.

Она взмахнула рукавом и села обратно перед алтарем. Бай Циюй наконец пришел в себя.

Он глубоко поклонился, искренне произнося:

— Спасибо, бабушка, спасибо, Мастер Цзинцзун за спасение. Я никогда не забуду этого.

— Хм, — ответила бабушка Ло.

Её поза изменилась — она больше не сидела прямо, а развалилась с небрежностью, свойственной хозяину положения. Но такая величественность, исходившая от хрупкой старушки, выглядела странно и пугающе.

Бай Циюй чувствовал себя неловко и хотел было добавить еще слов благодарности, но услышал, как бабушка Ло зевнула.

Зевнула тонко, протяжно, один за другим.

На пятом зевке горящие благовония вдруг погасли.

Огоньки исчезли в одно мгновение, более того, палочки сломались у самого основания!

Старики говорят, что если благовония гаснут или ломаются — это к беде.

Пока Бай Циюй не знал, что делать, бабушка Ло очнулась.

Давление исчезло, и перед ним снова была добрая старушка с волосами цвета инея. Она не спешила говорить с Бай Циюем, сначала сменила позу на более удобную, скрестив ноги, и позвала:

— Сяо Пэй, принеси мне новые благовония!

— Иду!

Через минуту Пэй Шичжун принес медный поднос. На нем были чашка чистой воды, горка печенья и новые позолоченные палочки. Оставив поднос, он ушел.

Старушка прищурила добрые глаза и лукаво улыбнулась:

— Красавчик, помнишь меня?

Бай Циюй опешил:

— Вы... узнали меня?

— Друг моего внука!

— Это вы?!

Она пригласила Бай Циюя сесть, и он, словно очнувшись от сна, опустился на подушку перед бабушкой Ло.

Только сейчас, когда его перестали пугать, он осмелился рассмотреть легендарную ведьму.

Присмотревшись, он понял: это же бабушка Ли Таогэ, которую он встретил в пекарне!

Бай Циюй хорошо запомнил ту маленькую старушку — стильная, в ципао, пушистом пальто и винтажной шляпке, будто сошла с подиума.

...Никак это не вязалось с образом загадочной ведьмы.

— Ладно, твою дату рождения Гуаньхэ уже сообщил. Теперь не двигайся.

— А...

Бабушка Ло взяла сосуд с водой, трижды качнула его по часовой стрелке, затем обмакнула пальцы и сбрызнула Бай Циюя в глаза, на лоб, плечи и макушку.

Одновременно она что-то бормотала, а правой рукой складывала пальцы в странные, ритмичные фигуры.

Бай Циюй замер, не смея даже моргнуть. Он заметил, что на десяти пальцах бабушки Ло были вытатуированы сложные заклинания.

Это были таинственные иероглифы, логика которых была сложной, но целостной, не похожей ни на одну известную ему систему письма.

Ритуал, похожий то ли на изгнание злых духов, то ли на благословение, повторился трижды. Бабушка Ло поставила воду на поднос и предложила Бай Циюю съесть печенье.

Сладкое печенье с яичной начинкой было необычайно вкусным, и его голодный желудок радостно отозвался. Часы показывали четыре утра, и только сейчас Бай Циюй понял, что не ел почти десять часов.

— Если голоден, ешь больше.

Видя, как жадно он ест, бабушка Ло попросила Пэй Шичжуна принести чаю.

Съев три штуки, Бай Циюй остановился. Почему-то после чая печенье внутри него разбухло, и его внезапно затошнило. Он сдержал позыв к рвоте, пытаясь подавить тошноту.

— Не ешь так быстро. Сяо Пэй, поищи таблетки для пищеварения...

Он поспешно опустил руку:

— Спасибо, не нужно. Я хотел спросить...

Не дав ему договорить, бабушка Ло остановила его:

— Тсс... сначала ответь на мои вопросы.

— А, хорошо.

Кто бы мог подумать, что первым же вопросом бабушка Ло нанесет удар молнии:

— Твою судьбу кто-то изменил, знаешь об этом?

Она прикрыла глаза. Неизвестно когда, но перед ней снова горели благовония, и струйки белого дыма рассеивались в воздухе.

Этот крошечный огонек не должен был конкурировать с ярким светом люстр или стеклянных ламп, но странным образом ему это удавалось — за спиной бабушки Ло возникла огромная «фигура».

Кости были сотканы из белого дыма, плоть — из пламени.

Она, казалось, сидела за спиной бабушки Ло, величественная и пугающая.

Затем Бай Циюй почувствовал на себе взгляд, словно его видели насквозь. Две пары глаз? Нет... десятки.

Сквозь слои пламени статуи божеств — глиняные, керамические, металлические — словно ожили!

Их нарисованные глаза стали живыми, острыми, величественными — божественный лик, на который нельзя смотреть прямо. Они смотрели на него сквозь глубокие, полные мудрости глаза бабушки Ло, словно тысячи предков разом встали на его защиту — это потрясение превзошло время и пространство, превратившись в твердое, надежное чувство защищенности, окутавшее его.

В тот миг Бай Циюй не смог сдержать слез: кем бы ни было то существо, дети Янь-Хуан всегда под защитой бессмертных земли Китая.

Три тысячи бессмертных, все одалживают мне силу.

Назови моё имя, и я защищу тебя.

Он не одинок.

Бабушка Ло открыла рот, и по всему залу раздалось эхо тысяч голосов:

— Твоя судьба была изменена, но печать сломана. Поэтому та мелкая желтая ласка, что была с Гуаньхэ, не смогла увидеть правду. Скажи мне, что именно ты изменил?

Что изменил?

Этот вопрос застал Бай Циюя врасплох, он понимал даже меньше, чем Цинь Гуаньхэ.

— Я... не знаю, — растерянно сказал он. Слезы скатились с длинных ресниц, оставляя дорожки на бледных щеках — картина была прекрасной и трагичной.

О понятии Чумасянь Бай Циюй узнал лишь недавно от Фан Чэна, и только потому, что старый Ма тоже упоминал об этом, он решил поискать информацию. А что касается поездки в деревню — там и вовсе ничего не было, даже благовония не зажглись.

Бай Циюй никак не мог вспомнить, что он «менял» в последнее время.

— Подумай хорошенько, — наставляла бабушка Ло. — Не обязательно недавно, может быть, несколько лет назад, десять лет назад... Способов изменить судьбу много: фэн-шуй, имя, артефакты, помощь людей или даже обмен судьбами...

После этих слов один ответ всплыл в памяти, и Бай Циюй выпалил:

— Я менял имя, это считается?

Лицо бабушки Ло стало серьезным:

— Рассказывай.

Это возвращало его в детство. Если бы его не спросили напрямую, Бай Циюй ни за что не связал бы это с такими давними событиями.

Настоящее имя Бай Цюя было Бай Ци. Он родился в центре города Цюаньчэн, в самом сердце провинции Цилу.

Его семья была интеллигентной, поговаривали, что прадед был секретарем генерала при основании страны, а родственники работали в госучреждениях — крепкая средняя семья.

В такой атмосфере он рос, с детства говорил на обычном языке, и, к стыду своему, даже не знал местного диалекта. Теоретически, у него не было никакой возможности столкнуться с мистикой.

Бай Циюй отчетливо помнил тот летний день перед началом начальной школы, когда бабушка внезапно решила сменить ему имя.

То лето не запомнилось ничем особенным. Лишь тем, что у двоюродной бабушки — двоюродной сестры его родной бабушки — обнаружили рак желудка в терминальной стадии. Она лежала в Первой народной больнице, и дни её были сочтены. Бабушка, не желая оставлять маленького внука одного дома, взяла его с собой навестить больную. Единственное, что Бай Циюй запомнил о той женщине, — это как она хвалила его, называя умным и одаренным ребенком.

После возвращения из больницы бабушка всю дорогу была сама не своя, постоянно нервничала, потеряла кошелек, а потом едва не села не на тот автобус. Как только они

переступили порог дома, она позвонила двоюродной бабушке, а после разговора, бледная как полотно, заявила, что Бай Ци нужно срочно сменить имя.

Разумеется, большинство членов семьи воспротивились. Во-первых, ребенок уже подросток, и менять документы — лишняя головная боль, к тому же все уже привыкли к прежнему имени. Во-вторых, не было никакой нужды. Обычно имена меняют, если они звучат нелепо или трудно пишутся, а Бай Ци — имя звучное, простое и с хорошим смыслом. К чему эти сложности?

Но бабушка стояла на своем, наотрез отказываясь объяснять причину. После долгих споров она пригрозила уйти из дома и, сославшись на предсмертную волю двоюродной бабушки, заставила родителей уступить. То лето прошло в суматохе, и к началу учебного года Бай Ци официально стал Бай Циюем. Имя это бабушка и её двоюродная сестра обсуждали по телефону каждый божий день. Бай Циюй помнил, как мучился в школе, постоянно допуская ошибки в написании нового имени, как друзья детства путались, называя его по-старому, — он не раз жаловался бабушке на эти неудобства.

Вскоре после того, как двоюродной бабушке исполнилось восемьдесят пять, она скончалась. Свадебный переполох сменился похоронным. У неё не осталось близких наследников, лишь дочь, которая умерла много лет назад, да внучка, работавшая в другом городе. Организацию похорон поручили старшему дяде Бай Циюя. По обычаю, на поминках должны были дежурить два старших кузена, но бабушка в приказном порядке заставила семилетнего Бай Циюя тоже всю ночь провести в мрачном, пугающем фамильном склепе. Даже в компании братьев мальчик был так напуган, что не сомкнул глаз.

Перед самой смертью двоюродная бабушка взяла с него слово: всю жизнь держаться подальше от большой воды. Никаких морей, озер или даже ручьев. Из-за этого наказа, когда пришло время поступать в университет, родители категорически запретили ему подавать документы в приморские города, настояв на Пекине.

Вернувшись из воспоминаний, Бай Циюй увидел, как бабушка Ло подала знак остановиться. Она неторопливо поправила ароматическую палочку, и золотистая пыльца посыпалась вниз, словно крошечные пушистые цветы.

— Я хотела спросить, были ли в твоём роду чумасяни, но ты уже ответил на этот вопрос.

Чумасяни? Бай Циюй искал информацию в сети. Чумасяни и чудаосяни — разница всего в один иероглиф, но суть совершенно разная. Чумасяни — это духи, которые вселяются в людей, чтобы исцелять и творить добро, накапливая заслуги. А вот сила чудаосяней исходит от них самих. И в отличие от даосов или монахов, чудаосянь — это перерожденное в человеческом теле высшее божество, проходящее земные испытания. Высшие божества — это те, кто уже достиг просветления и занял место в небесной иерархии: Будды, Нефритовый император или их приближенные.

— Вы хотите сказать, что моя двоюродная бабушка была перерожденным божеством?

— Она была чудаосянем, это правда, но вовсе не перерожденным божеством.

Услышав противоречие с интернет-данными, Бай Циюй приготовился слушать дальше, но бабушка Ло лишь туманно обронила, что в этом мире боги не перерождаются, и больше ничего не объяснила.

— В тебе очень сильна женская энергия, — сменила тему бабушка Ло. — С самого детства тебя оберегали женщины.

Вспомнив покойную мать и бабушку, Бай Циюй не сдержал слез:

— Да, это так.

— Напиши свое прежнее имя.

Бай Циюй взял бумагу и ручку, протянутые госпожой Хань, вывел «Бай Ци» и передал листок. Бабушка Ло быстро что-то подсчитала по пальцам и тяжело вздохнула:

— Дитя мое... Скажи, почему ты приблизился к большой воде?

— Неужели дело только в этом? — опешил Бай Циюй. — Но я всегда следовал наказу! Не то что моря или озера — я за всю жизнь даже в бассейн или на горячие источники не ходил.

— Твоя судьба была нарушена около года назад. Точнее, полтора года назад. Подумай хорошенько, что ты тогда делал?

Полтора года назад? Это середина 2019-го.

— ...Сезон выпускных? — Бай Циюй напряг память. — Вроде бы ничего особенного. Я закончил филфак, не захотел идти в аспирантуру и решил искать работу. Но с моей специальностью в провинции Лучжун перспектив мало, вот и летал по всей стране на собеседования. Но я помнил бабушкин наказ и искал работу только в глубине материка. В конце концов, не выдержав южного климата и не желая уезжать из Лучжуна, я устроился в эту игровую компанию в городе Цзиндэ. После выхода на работу я осел в Цзиндэ, график 996, времени на разъезды не было.

Город Цзиндэ находился в центре провинции Лучжун, бесконечно далеко от моря.

— Подумай еще раньше.

— Раньше?

Воспоминания, словно кадры старой киноплёнки, пронесли перед глазами. В ворохе событий всплыл фрагмент: старик на пешеходной улице говорит, что ему нужно избавиться от скверны. Съёмная квартира, из которой не сбежать, и бесконечный, монотонный шум воды по ночам. А ещё этот въедливый запах морской соли и ноющая боль от чешуи на затылке...

— Циндао... — прошептал Бай Циюй. — Я был там с командой городских исследователей... Мы спустились в старую ливневую канализацию в бывшей концессии и нашли там бомбоубежище... Хотя я не погружался в воду, но...

Ответ был очевиден. Вся эта сеть подземных коммуникаций наверняка была пропитана морской водой, просачивающейся сквозь стены. Сам того не ведая, Бай Циюй нарушил правила своей измененной судьбы, разрушил десятилетия покоя и вступил на путь, который ждал его уже очень давно.

В полузабытьи ему почудилось, будто он снова там — в сырой, холодной, бесконечной тьме подземных лабиринтов. Среди гнилостного запаха моря, под старыми немецкими трубами, в пещерах и на отмелях, где плескалась черная морская вода, что-то начало пробуждаться и неумолимо устремилось к нему.

<http://bllate.org/book/18696/1806995>